

Много времени спустя Цяо Цзысюань всё ещё помнил, какой удар нанесла ему эта картина. И дело было не только в омерзительном зрелище, от которого мутило, но и в той тонкой ряби сочувствия, что поднялась в глубине души. Они были такими же слабыми, как он когда-то. Слабыми, а потому — гонимыми. У него не было сил, и его родители погибли ни за что. Они были недостаточно сильны, и поэтому с ними обращались, как с безвольными марионетками.

— Что делать с ними? — едва Цяо Цзысюань вышел из подвала, он услышал голос Ци Жуя. Тот смотрел на Гун Линфэна, явно ожидая от него решения.

Цяо Цзысюань взглянул на лежащих на полу нелюдей, и внезапно внутри него вскипела ярость.

— Убить, — бросил он, не дожидаясь ответа Гун Линфэна.

Все обернулись к нему. Вид у Цяо Цзысюаня был неожиданно пугающим. С самого вчерашнего дня, когда они познакомились, лишь когда Фэн-гэ упомянул о его способностях к пространственному перемещению, он выглядел так же мрачно.

— Убить? — Гун Линфэн поднял взгляд и встретился с ним глазами. Он сидел на полу, скрестив ноги; благодаря тому, что он постоянно поглощал энергию из кристаллов, кровь из раны на спине перестала сочиться.

— Я просто сказал. Ты капитан, тебе и решать, — ответил Цяо Цзысюань, развернулся и, не говоря больше ни слова, сел в углу.

Из подвала послышался шорох: вышли трое женщин и мужчина. Они наспех накинули одежду, но та была разорвана и едва прикрывала тела. У двоих женщин лица распухли от побоев, у единственного мужчины на лбу кровоточила рана. Вид у всех был жалкий. Их тела мелко дрожали, слышались прерывистые всхлипы. Они с опаской поглядывали на Цяо Цзысюаня — возможно, потому, что именно он их спас. В их глазах читалась не только благодарность, но и невысказанная мольба. Слова признательности застревали в горле, ведь Цяо Цзысюань видел всё то унижение, через которое им пришлось пройти.

— Слушайте его, — Гун Линфэн обвел взглядом спасенных, затем снова глубоко посмотрел на Цяо Цзысюаня и повернулся к Лянь Юю. Его взгляд оставался серьезным, лицо — бесстрастным, но в голосе сквозила природная властность, холодная и отстраненная. Цяо Цзысюань невольно повернул голову.

— Нам нужно поговорить, — Гун Линфэн несколько секунд смотрел ему прямо в глаза. Энергетический кристалл в его руке перестал светиться. Он поднялся и замер, глядя на Цяо Цзысюаня, стоявшего в противоположном углу. Спасенные переводили взгляды с одного на другого, и их рыдания внезапно стихли.

— Наверху, — Цяо Цзысюань тоже встал, посмотрел на лестницу и кивнул.

— Фэн-гэ, — Ци Жуй, стоявший рядом, потянул его за рукав. Гун Линфэн взглянул на него, покачал головой и направился к лестнице.

— Сначала устрой их, — бросил Гун Линфэн Лянь Юю, не оборачиваясь, и, бледный, последовал за Цяо Цзысюанем.

— Что ты хотел сказать? — Цяо Цзысюань вертел в пальцах серебряную иглу. Гун Линфэн окинул взглядом его руки, затем перевел взгляд на лицо.

— Можешь рассказать, кто ты на самом деле? — Гун Линфэн сунул в рот сигарету, но не стал её прикуривать.

— Разве ты не знаешь? — Цяо Цзысюань вскинул бровь.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Не думай, что я не догадываюсь. Цяо У — это ведь даже не твое настоящее имя, верно? — Гун Линфэн шагнул вперед и зажал пальцами иглу, которой играл Цяо Цзысюань. Тот застыл. Он и представить не мог, что в Гун Линфэне скрывается такой властный характер. Встретившись с ним взглядом, он невольно почувствовал, как теряет почву под ногами. Цяо Цзысюань резко отпрянул и отвел глаза, чувствуя, как краснеют уши.

— Цяо Цзысюань, — тихо произнес он, охваченный досадой и смущением. Его всегда пугал этот взгляд — такой пристальный, словно проникающий в самую душу.

— Что? — переспросил Гун Линфэн.

— Меня зовут Цяо Цзысюань. Мне восемнадцать, — Цяо Цзысюань разозлился на это притворное незнание. Голос его стал громче, а взгляд, устремленный на Гун Линфэна, — острым, как у маленького разгневанного леопарда. Внезапно уголки губ Гун Линфэна дрогнули в улыбке. Цяо Цзысюань опешил. Или, точнее, перепугался. За все десять с лишним часов, что они были знакомы, этот человек почти не улыбался. Его вечно каменное лицо заставляло сомневаться, умеет ли он вообще выражать эмоции. А тут — такая неожиданность, к которой Цяо Цзысюань был совершенно не готов.

— Цяо Цзысюань... хорошее имя. Откуда ты пришел? — Гун Линфэн подошел еще ближе. Увидев, как парень замер от его улыбки, он испытал странное чувство — необъяснимое, но приятное.

— Не твое дело, — Цяо Цзысюань помрачнел, отвернулся и тихо фыркнул, показывая, как ему неприятен этот вопрос. Особенно его пугала близость: он отчетливо чувствовал ритм дыхания собеседника, его запах. Для него это было сигналом опасности. С детства привыкший к одиночеству и нелюдимый, он никогда не допускал никого так близко — даже родителей.

— Хорошо. Следующий вопрос: зачем ты отправился в Цзянчэн? И почему принял мое

приглашение? Твоих сил вполне хватило бы, чтобы выжить в одиночку, — Гун Линфэн не отпускал иглу, зажатую между четырьмя пальцами. Цяо Цзысюань не знал, что делать: выпустить её или продолжать держать? Он забыл о попытках вырваться, глядя на бледное лицо Гун Линфэна и вслушиваясь в его резкие вопросы. Все его мысли сосредоточились на этом напоре.

— Тебе самому не смешно это спрашивать? Почему я не могу поехать в Цзянчэн? И если ты сомневался, стоит ли меня приглашать, зачем вчера сделал это предложение? Смогу ли я выжить в одиночку — решать не тебе и не мне. Раз уж ты позвал, то мое право — решать, идти одному или вступить в команду, не так ли? А теперь ты задаешь такие вопросы... Какова твоя цель?! — перед лицом наглого давления Цяо Цзысюань не остался в долгу. Его словно задели за живое, взгляд стал еще холоднее, с оттенком насмешки. Гун Линфэн помрачнел, явно недовольный такой реакцией.

— Нам обоим нужно успокоиться. Раз уж мы теперь в одной команде, думаю, нам стоит доверять друг другу. Как считаешь? — Гун Линфэн смягчил тон, внимательно наблюдая за каждым движением лица Цяо Цзысюаня.

— Это вы мне не доверяете. А я со своей стороны доверие уже проявил, — Цяо Цзысюань рассмеялся от ярости. Он с силой дернул правую руку, вырывая иглу из пальцев Гун Линфэна. Острие скользнуло по коже, оставив на красном металле каплю крови. Цяо Цзысюань замер, затем быстро достал из пространства белый крем и нанес на палец Гун Линфэна. К счастью, игла не была смазана смертельным ядом.

— У тебя, должно быть, тоже двойная способность? — Гун Линфэн слегка напрягся от его действий, но тут же расслабился, позволяя нанести мазь.

— Что? — Цяо Цзысюань убрал тюбик и недоуменно взглянул на него.

— У тебя есть пространственная магия, и ты умеешь использовать эти иглы. Может, вторая твоя способность — управление металлом? — Гун Линфэн посмотрел на его запястье. Только сейчас Цяо Цзысюань заметил, что они почти одного роста, хотя его макушка едва доходила Гун Линфэну до подбородка. Глядя в эти глубокие черные глаза, он растерялся. Металл? Цяо Цзысюань хотел что-то ответить, но в висках вдруг запульсировала острая боль. Она становилась всё сильнее, и он, схватившись за голову, сделал несколько шагов назад.

— Что случилось? — Гун Линфэн, заметив резкую смену поведения, лишь через несколько секунд понял, что парню действительно плохо. Головная боль?

— Больно... очень больно... — казалось, мозг Цяо Цзысюаня сейчас взорвется. Он понял: что-то не так с его пространственным измерением. Охваченный паникой, он оттолкнул Гун Линфэна, который протянул руку, чтобы помочь.

— Не подходи! — он заставил себя не упасть прямо перед этим человеком. Ему нужно было срочно попасть в пространство и выяснить, что происходит. В этом чужом мире пространство

было его последним козырем, его талисманом. Там хранился прах родителей. Хотя он понимал, что нельзя полагаться только на это, но в одиночестве, в незнакомой стране, эта частица его самого стала для него чем-то родным.

Он быстро добежал до ближайшего туалета, заперся, не обращая внимания на зловоние, и вошел в пространство. Едва ступив на знакомую землю, он рухнул, корчась от невыносимой боли. Мышцы сводило судорогой, зубы стучали, он не мог вымолвить ни слова.

— Тебе лучше? — вдруг чья-то рука коснулась его лба. Теплая, нежная кожа, чужое тепло. Одно легкое прикосновение — и боль мгновенно отступила. Цяо Цзысюань, ошеломленный, уставился на мужчину, похожего на небожителя.

— Ты... дух-хранитель? — Цяо Цзысюань смотрел на человека в белых древних одеждах, перехваченных простой лентой. Длинные черные волосы были собраны заколкой. Тонкая рука, белая, как нефрит, тянулась к нему, предлагая помощь.

— Можешь звать меня И Юнь, — дух слегка улыбнулся. Его неземная красота в сочетании с этой улыбкой снова заставила Цяо Цзысюаня замереть.

— Не заглядывайся на мою оболочку. Я уже практик стадии Юаньин, могу принимать любой облик. Головная боль была вызвана тем, что я запечатлел свое сознание в твоём разуме. Ты получил мое наследие больше полугода назад, но видимся мы впервые. Отныне мы сможем общаться мысленно. Ты вошел в мою секту, а значит, стал моим учеником. Идем, совершим обряд посвящения.

Цяо Цзысюань, еще не оправившись от шока, позволил И Юню поднять себя и повел в двухэтажный домик. Вернее, когда-то он был двухэтажным, но сегодня выглядел иначе: если раньше он казался скромным жилищем, то теперь — настоящим дворцом. Да и дух говорил странно: смесь древнего и современного языков.

— В этом свитке — правила моей секты. Прочти их, а потом совершим обряд поклонения, чтобы скрепить наш союз учителя и ученика, — И Юнь сел на кровать из кровавого нефрита и взмахнул рукой, протягивая Цяо Цзысюаню бамбуковый свиток.

— Правила? — Цяо Цзысюань взял свиток, посмотрел на непонятные иероглифы и нахмурился, глядя на И Юня.

— Ах да, — улыбнулся дух, — я забыл, что ты не знаешь этих знаков. За последние тысячелетия ты — мой первый ученик. Приложи свиток к межбровью и сосредоточься.

Цяо Цзысюань, посмотрев на учителя, приложил бамбук ко лбу и закрыл глаза. Иероглифы словно влились в его разум, и он внезапно понял их смысл. Через минуту он открыл глаза. И Юнь снова взмахнул рукой — в воздухе возникла чашка с дымящимся чаем.

Цяо Цзысюань молча принял чашку, опустился на колени и поднял её над головой:

— Учитель, прошу, выпейте чаю.

Этой фразой он закрепил их отношения. На самом деле, еще когда он начал практиковать, он в душе уже признал И Юня своим наставником, но считал себя слишком недостойным, чтобы просить об этом вслух. Дух, хоть и не имел физического тела, часто помогал ему, и Цяо Цзысюань был глубоко благодарен.

— Вставай. Сейчас ты на начальной стадии Чжуцзи. Этот мир переживает эволюцию, он полон духовной энергии — учись её поглощать, это поможет твоему развитию, — И Юнь кивнул с мягкой улыбкой.

— Учитель, здешние животные стали такими сильными! И люди обрели способности, они поглощают кристаллы из тел зверей, чтобы стать сильнее. Еда здесь совсем другая, есть электричество, связь, лифты, но нет воды, — Цяо Цзысюань, стоя рядом, принялся выкладывать всё, что накопилось на душе. И Юнь был единственным, кто знал его истинное лицо — холодное, замкнутое, полное боли и ненависти к прошлому. Видя, как Цяо Цзысюань сейчас ведет себя как ребенок, дух лишь мягче улыбнулся.

— Мутация животных — это лишь начальный этап эволюции мира. Те, кого ты встречаешь сейчас, пока слабы. Привыкай к этому миру. С твоим уровнем развития бояться нечего. Собирай кристаллы, они очень помогут в тренировках, — И Юнь сделал глоток чая и продолжил: — Отсутствие воды — проблема ресурсов этого мира. В отличие от Земли, здесь вода — величайшая ценность. Этот мир развит технологически, но сельское хозяйство в упадке. Вода исчезла в самом начале мутации, поэтому в будущем за неё и за людей с водными способностями развернется настоящая борьба. А электричество здесь получают из особого камня, похожего на черный нефрит. Он излучает энергию, заменяя солнечные батареи. Одной такой штуки хватает надолго, но ресурс ограничен.

Цяо Цзысюань вдруг понял: Ци Жуй, значит, будет очень ценным кадром.

— Учитель, когда я смогу обходиться без еды? — Цяо Цзысюань представил, как тяжело будет добывать привычную пищу, и захотел поскорее перейти на питание энергией.

— На стадии Чжуцзи это станет возможным. Ты до сих пор ешь? — И Юнь удивился. Цяо Цзысюань растерянно кивнул. — Дай-ка подумать.

Дух закрыл глаза и просканировал тело ученика. Цяо Цзысюань почувствовал давление, от которого не мог пошевелиться, на лбу выступил холодный пот. Через несколько секунд И Юнь открыл глаза.

— Ты был ранен мутантами? Повреждено сознание или были раны на теле?

— Было всякое. Сражался с той птицей-мутантом, её труп я принес сюда, в пространство. И да, её крыло поранило мне руку, — Цяо Цзысюань указал на то место, где лежал труп чудовища.

— ...Ты мутировал. Точнее, подвергся вынужденной эволюции, — И Юнь замолчал, глядя на него с какой-то сложной эмоцией. Цяо Цзысюаню стало не по себе.

— Мутация? Вынужденная эволюция? — прошептал он, ожидая объяснений.

— Да. С таким я сталкиваюсь впервые. Но, возможно, это к лучшему. Теперь, помимо культивации, у тебя есть и способности. Какие именно — тебе предстоит выяснить самому. И тебе кристаллы нужны даже больше, чем остальным. Если я не ошибаюсь, скоро мутация коснется и растений этого мира, — И Юнь попытался успокоить его, но тон его оставался серьезным.

Цяо Цзысюань не задержался в пространстве надолго: его ментальное чутье, оставленное снаружи, уловило колебания. Не успев спросить, когда именно начнут мутировать растения, он поспешно вышел.

— Цзысюань, в эти беспокойные времена будь осторожен, — голос И Юня прозвучал прямо в голове. Цяо Цзысюань удивился, но понял: это была та самая ментальная связь. Он сосредоточился, пытаясь ответить:

— Понял, учитель.

Услышав в ответ едва уловимый отклик, Цяо Цзысюань улыбнулся. Настроение заметно улучшилось. Осталось только выяснить, что за способности у него появились. Выйдя из туалета, он столкнулся с Ци Жуюм.

— Фэн-гэ сказал, что тебе нехорошо. Я пришел проверить, — Ци Жуй в этой команде выполнял роль врача: лечил и Гун Линфэна, и Сян Циня.

— Я в порядке. Как Сян Цинь? — Сян Цинь был беззаботным парнем, и Цяо Цзысюань относился к нему неплохо (хотя позже, узнав его с другой стороны, он пожалел об этом).

— Еще не проснулся, я дал ему лекарство. Скоро придет в себя, — они пошли обратно. Ци Жуй никак не прокомментировал недавние подвиги Цяо Цзысюаня. Присмотревшись, Цяо Цзысюань понял: этот человек не так уж плох. Да, они относятся к нему с подозрением, но друг за друга горой — настоящие братья.